
ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Научная статья

УДК 141.319.8

EDN: VOIMGV

doi: 10.21685/2307-9525-2024-12-1-12

ТВОРЧЕСТВО М. И. ЦВЕТАЕВОЙ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЭЗИИ

Наталья Геннадьевна Коваленко

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Пушкин, Россия
nataly6707@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Литературное творчество Марины Ивановны Цветаевой в его социально-философских, семантических и философско-антропологических аспектах актуально сегодня в исследовательском плане, поскольку отражает ряд особенностей русской философии и мировоззренческих установок деятелей культуры Серебряного века. Вместе с тем ее поэтическое творчество есть феномен личностно-индивидуального плана. Марина Цветаева в своей поэзии показала всю глубину противоположности между личностью и социально-государственными интересами, что отразилось в понятии «новое религиозное сознание» или «неохристианство». Цель данной работы – выявить и проанализировать основные особенности формирования неохристианского мировоззрения на примере творчества Цветаевой. *Материалы и методы.* Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа биографических данных русской поэтессы, характеристики ее места и роли в литературной среде представителей культуры Серебряного века, поэтических сборников как юношеского возраста, так и произведений позднего периода творчества. Методология исследования базируется на применении исторического и логического, личностного и социального принципов, метода культурно-сравнительного анализа. *Результаты.* Анализ поэзии и исследовательской литературы о Цветаевой в философско-мировоззренческих и семантических аспектах позволил прийти к заключению о невозможности отнесения ее творчества к какой-либо философской или литературной группе, характерной для культуры Серебряного века (символисты, акмеисты, футуристы и др.). *Выводы.* Идея «нового религиозного сознания», которую пропагандировали в своих произведениях деятели Серебряного века, глубоко вошла в ментальность Марины Цветаевой как гражданка и поэта. В вопросах отношения к религии и церкви ее позицию можно определить как свободомыслие, но с огромным запасом личной христианской религиозности. В пользу последнего говорит широкое использование и знание библеистики и библеизмов в ее поэтическом творчестве.

Ключевые слова: Серебряный век, творчество М. И. Цветаевой, новое религиозное сознание, свободомыслие, христианство, библеистика, библеизмы

Для цитирования: Коваленко Н. Г. Творчество М. И. Цветаевой: структурно-семантические и социокультурные особенности религиозной поэзии // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2024. Т. 12, № 1. С. 110–123. doi: 10.21685/2307-9525-2024-12-1-12
EDN: VOIMGV

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE

Original article

CREATIVITY OF MARINA TSVETAeva: STRUCTURAL-SEMANTIC AND SOCIO-CULTURAL FEATURES OF RELIGIOUS POETRY

Natalya G. Kovalenko

St. Petersburg State Agrarian University, St. Petersburg, Pushkin, Russia
nataly6707@mail.ru

Abstract. *Background.* Literary work of Marina Tsvetaeva in its socio-philosophical, semantic and philosophical-anthropological aspects is relevant today in terms of research, as it reflects some features of Russian philosophy and worldviews of cultural figures of the Silver Age. Meanwhile, her poetic creativity is a personal-individual phenomenon. Marina Tsvetaeva in her poetry showed the depth of the opposition between personality and social and state interests, which was reflected in the concept of "new religious consciousness" or "neo-Christianity". The aim of this study is to identify and analyze the main features of forming neo-Christian worldview on the example of Marina Tsvetaeva's work. *Materials and methods.* The study is conducted through analyzing the biographical data of the Russian poetess, the characteristic features of her place and role in the literary environment of the Silver Age culture, the poetry collections of both youth works and late period works of Marina Tsvetaeva's creativity. The study methodology is based on applying the historical and logical, personal and social principles, as well as the method of cultural-comparative analysis. *Results.* The analysis of poetry and research literature about Marina Tsvetaeva in the philosophical, ideological and semantic aspects allows concluding that it is impossible to attribute her work to any philosophical or literary group characteristic of the Silver Age culture (symbolists, acmeists, futurists, etc.). *Conclusions.* The idea of "new religious consciousness", which was promoted in the works of cultural figures of the Silver Age, was deeply embedded in Marina Tsvetaeva's mentality as a citizen and poetess. With regard to her attitude to religion and church, Marina Tsvetaeva's position can be defined as free-thinking, but with a huge stock of personal Christian religion devotion. The latter suggestion is supported by the extensive use and knowledge of biblical studies and biblical expressions in her poetic work.

Keywords: Silver Age, Marina Tsvetaeva's work, new religious consciousness, free-thinking, Christianity, biblical studies, biblical expressions

For citation: Kovalenko N.G. Creativity of Marina Tsvetaeva: Structural-Semantic and Socio-Cultural Features of Religious Poetry. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"* = *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2024;12(1):110–123. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2024-12-1-12

Помимо общепризнанных литературно-философских течений культуры Серебряного века (символисты, акмеисты, футуристы и др.), интерес представляют отдельные деятели отечественного духовного творчества, такие как, например, Марина Ивановна Цветаева. Родившись осенью 1892 г., она сумела прожить типичную для отечественных поэтов жизнь, наполненную яркими событиями и трагизмом, отличаясь при этом жестким неприятием самого термина «поэтесса». Уже в восемнадцать лет, в летние месяцы 1910 г., она подготовила к выходу в печать первый сборник стихов под названием «Вечерний альбом». В нем исследовательский интерес представляет также то, что каждый из разделов сборника сопровождался отдельным эпиграфом в виде цитат из пьес Эдмона Ростана, книг христианского Священного Писания и биографии Наполеона II (полное имя Франсуа Жозеф Шарль Бонапарт), что говорит о большой начитанности автора и последовательном интересе к фактам истории.

Цветаева с молодости была заядлым книголюбом. В ее сознании культовое восприятие как самого императора Наполеона, так и его прямого потомка – герцога Рейхштадского, по всей видимости, было непосредственно порождено тем литературным образом, который мы встречаем у Ростана. Одним из ключевых героев пьесы Ростана, посвященной событиям непродолжительной жизни Наполеона Второго, был персонаж по имени Aiglon (переводится с французского языка как «юный орел»). Этот герой, по словам и воспоминаниям Марины Цветаевой, сыграл важнейшую роль в формировании ее собственного мировидения в юные годы. Особенно интересно то, что даже по мере взросления поэтесса остается по-прежнему привязанной к пьесам Ростана, они продолжают быть для нее привлекательными и крайне ценными, что отличает их от других книжных предпочтений [1, с. 109]. С другой стороны, помимо интереса к классической литературе Европы на протяжении всей жизни для Цветаевой характерны искания в области религии, её истории и особенностей вероучений.

Цветаева была убежденной христианкой, но вместе с тем она не относилась к людям, в которых вера проросла и глубоко укоренилась. Например, в очерке «Земные приметы» поэтесса описывает собственные ощущения следующим образом: «"Бог" я произношу как утопающий: вздохом. Смутно чувство: не надо тревожить (звать), когда сам можешь. А "можешь" с каждым днем растет» [2, с. 514]. За подобными словами кроется тот длинный и полный трудностей жизненный путь, который успела пройти к тому времени поэтесса. В общем перечне ее записок, датированных 1921 г., что соответствует десятилетию, прошедшему после публикации первого сборника, особый интерес представляет один абзац, гласящий, что в стенах храма она ощущает себя инородным элементом – нечистью или гоголевским Хомой Брутом, несмотря на то, что является прямым потомком священнослужителя. Цветаеву пугает одежда церковнослужителей, церковная утварь, позолота, т.е. внешняя сторона процесса православного богослужения. Однако ее привлекают иконостасы, лики святых и зажженные церковные свечи – все это отзывается в ней, пробуждает искреннее и теплое чувство [3, с. 276]. Похожие соображения Цветаева высказывала в собственных стихах:

«Чтоб дойти до уст и ложа –
Мимо страшной церкви Божьей
Мне идти.

Мимо свадебных карет,
Похоронных дрог.
Ангельский запрет положен
На его порог» [4, с. 110].

Итак, церковь как храм для Цветаевой – это и обряд венчания, и отпевание как конец жизни – главные вехи жизненного пути человека. Церковь, официальная церковь в этом контексте, по ее убеждению, есть государственное учреждение. Отсюда и тенденция свободомыслия, характеризующая мировоззренческие установки поэта, которые постепенно вошли в идеи нового религиозного сознания. Свободомыслие поэтессы вполне объяснимо, если посмотреть на то, как постепенно, поэтапно менялось ее восприятие христианства и религиозной тематики: пребывая в Швейцарии на учебе в частной школе, она искренне увлеклась католицизмом, однако со временем пришла к церковному негативизму и разлюбила официальные церковные институты. Обращаясь письменно к русскому писателю и философу В. В. Розанову весной 1914 г., поэтесса рассказывает о том, что полностью утратила изначальную веру в существование божественной высшей сущности и продолжение жизни души после физической смерти [5, с. 246]. Это перенесение отрицательного отношения к официальной православной церкви и в то же время глубокая личная религиозность очень близки по духу к социальной идеологии «нового религиозного сознания» символистов. Напомним, что сама идея нового религиозного сознания была сформулирована одним из старших символистов Д. С. Мережковским.

Символисты в лице так называемых «старших символистов» сформировались в конце XIX столетия. Это движение в русской литературе и философии было близко той части интеллигенции, что уповала на духовное преобразование российского общества. В исследовательской литературе это отразилось в понятии «богоискательство» [6, 7]. Для Мережковского это религиозное направление есть «стремление к окончательной победе над смертью». Эта победа обеспечена, по его мнению, спасающим всех верующих Иисусом Христом. Поэтому столь значима для него идея создания Третьего Завета.

Концепция Третьего Завета как новой религии или феномена «нового религиозного сознания» (Первый Завет – Ветхий Завет, или иудаизм, Второй Завет – Новый завет, или христианство) разрабатывалась всеми деятелями Серебряного века. Сам термин «Завет» трактовался при этом именно как «религия». В эпоху современности о значимости идеологии Третьего Завета упоминает историк религии П. И. Симуш в своей работе [8, с. 89]. В ней он рассказывает, что Второе пришествие Иисуса, по убеждению символистов, в сущности, произошло. Первым, кого настигло это ощущение, был поэт Есенин, и он поспешил уведомить всех об этом в собственном цикле стихов «Преображение», рассказав, как изменилось его Отечество. По прошествии времени «близкий приятель» Спасителя обращается к Нему в стихотворении «До свидания, друг мой», надеясь, однако, еще встретиться с ним в будущем. Цветаева же была убеждена, что именно в пространстве «над землей» разные души встречаются друг с другом.

Атеистически настроенный А. А. Блок вынужденно соглашается с предшественниками, но для него подтверждением Второго пришествия «Спасителя» выступает его витальная символика, прокладывающая дорогу и показывающая правильное направление «Двенадцати» красноармейцам [9]: в белом венчике из роз идет Иисус Христос. Вспоминая о близких дружеских отношениях с Блоком, писатель, критик и поэт Андрей Белый неоднократно выступает как свидетель повторного Пришествия Спасителя и прямо говорит о неизбежности Третьего Завета. В частности, в 1918 г. появилась в печати поэма А. Белого «Христос воскрес», которую Симуш связывает с «идеей Третьего Завета» [8, с. 98]. Поэтому идея Третьего Завета стала для деятелей Серебряного века итогом Первого Пришествия Сына Божиего, Второго Пришествия Христа и грядущей неизбежности Третьего Пришествия Христа на нашей Родине, в России. Сегодня это как нельзя актуально именно в социокультурном плане как противостояние «коллективного Запада» или Антихриста с его «новыми» ценностями и России как хранительницы духовных «традиционных христианских ценностей» – Надежды, Веры и Любви.

Интересен факт увлечения юной Цветаевой вероисповеданием католической церкви. Конечно, он связан с подростковым возрастом начинающей поэтессы и её жизнью и учебой в протестантской Швейцарии, но есть и определенные параллели с интересом к идеологии Римско-католической церкви со стороны Владимира Соловьева. Для последнего это было вызвано философско-мировоззренческими вопросами. В России великий философ рубежа веков часто контактировал с людьми, исповедующими католицизм. Его привлекала социальная доктрина католицизма, отраженная в соответствующих трудах. Все это спровоцировало в свое время в России бурное обсуждение в среде интеллектуалов и околоправительственных чиновников. Как полагал сам известный мыслитель и писатель, его работы выступили в качестве ответной реакции, спровоцированной антихристианской позицией и чисто русской, националистической ориентацией, а следовательно, отказом от идеологии универсальности в позиции Русской синодальной церкви, во главе которой в то время стоял обер-прокурор К. П. Победоносцев. Именно поиски универсальности в духовной и социальной жизни привели Соловьева к идее «свободной теократии» как желаемой организации общественной и государственной жизни.

Историк русской философии И. Д. Осипов пишет, что с точки зрения общественно-политического устройства Соловьев считал идеальным социальным строем свободную теократию. Именно ее он полагал наивысшей точкой, которой только способна достичь

развивающаяся христианская страна и здоровый социум. При подобном строе, по Соловьеву, церковное духовенство и светское нерелигиозное правительство находятся в полном единении, точно так же отсутствуют какие-либо противоречия между индивидом, с одной стороны, и государством – с другой. Еще в 1870-х гг. философ пришел к поверхностному, не детализированному пониманию того, что собой представляет теократия, при этом уже в начале следующего десятилетия он представил идейный образ теократического государства в развернутом детализированном виде, в малейших подробностях и с надлежащей аргументацией изложив собственное учение, касающееся вселенской церкви, возглавляет которую официальное римское церковное руководство – папа. Осипов также упоминает, что в теократическом обществе, построенном на принципах свободы, церковный первосвященник обязан быть максимально благочестивым, чтобы он мог выполнять роль полноправного духовного представителя страны в целом, а также служить для нации ориентиром, показывающим ей, как она должна развиваться, и говорить людям, чего от них хочет Бог. Ему нельзя выступать в качестве судьи, поэтому он вынужден перепоручить данную ему власть к принуждению, отдав ее в руки правителя-христианина, играющего роль самого милостивого и правдивого и олицетворяющего собой эти понятия. При этом правителю-христианину воспрещается самостоятельное вмешательство в религиозные вопросы [10, с. 123].

К. Н. Леонтьев, мыслитель религиозно-консервативного направления и философ, с большой иронией относился к убеждениям и намерениям В. С. Соловьева, который, по его мнению, собирался «идти под» римского папу. Несмотря на это, он находил и позитивные стороны в убеждениях оппонента и упоминал, что ключевым его намерением и задачей выступало устранение церковного раскола, который тот планировал преодолеть, объединив максимально возможное количество христиан, помогая их душам спастись и подготовиться к эсхатологическому завершению земного существования человечества. Леонтьев в своем труде говорил, что та версия католической веры, которая исходит из Рима, приятна ему в силу искренней симпатии к деспотизму, а также естественной склонности к духовному служению, подчинению души и духа послушничеству. У этой симпатии был и ряд иных причин и факторов, обусловленных умственными склонностями и сердечными привязанностями самого Леонтьева. По его мнению, Соловьев был большим оригиналом и излагал уникальные мысли, не похожие на то, что проповедовалось в среде мыслителей – его соотечественников, а потому, как бесспорно талантливый человек, был как бы обречен оставить значимый след в отечественной истории [11, с. 238].

Литературные вкусы и религиозные предпочтения Цветаевой отличались крайним разнообразием и эклектичностью. Интересно, что библеистика стала для нее не одним из предпочтительных литературных направлений, а ключевым приоритетом как исследователя и стихотворца, а не как книголюба. Ее безграничное воображение проложило непреодолимый барьер между нею и обычным бытием, окружающими реалиями и серыми буднями жизни. В творчестве Цветаевой красной нитью проходит основной конфликт – принципиальная несовместимость «земного» и «небесного», плотской страсти и возвышенной любви как идеала, сиюминутного и вечности. В этом контексте, на наш взгляд, Цветаева – представитель того мировоззренческого направления, которое определяется как «свободомыслие».

Культурная традиция свободомыслия начинается с античных времен на основе рационалистических знаний о мире и человеке. Распространению свободомыслия в социальном плане способствует уровень свободы личности, а также потребность в обновлении общественных отношений, т.е. социально-политических преобразованиях. В этом контексте свободомыслие как феномен становится исследовательской задачей со стороны социальной философии. Оно может быть явным или скрытым, как безрелигиозным (атеистическим), так и сознательным (гносеологическим) элементом религиозной веры. Свободомыслие здесь становится частью религии, но религии обновленной. Как мы уже отмечали, в конце XIX в. это особенно проявилось в творчестве родоначальника культуры Серебряного века – великого Льва Николаевича Толстого [12, 13].

Идеи свободомыслящих всегда находили свою опору в критике, во-первых, духовенства за образ жизни, столь разительно отличающийся от образа жизни христиан-мучеников первых веков генезиса христианства, а, во-вторых, церкви за элементы огосударствления. Последнее было существенно для всех представителей культуры Серебряного века. Свободомыслеие обнаруживает себя также в самых различных областях духовной культуры: народном творчестве (карнавальная деятельность), искусстве, литературе и научной деятельности, а его содержание связано с признанием ценности земной жизни человека, что уже входит в исследовательское поле философской антропологии. Как пишет З. А. Тажуризина, в советское время наиболее известными сторонниками теории свободомыслия были философы и государственные деятели «Д. Лукач, А. В. Луначарский, И. П. Вороницын» [14, с. 962].

Как большая поклонница литературы, Цветаева была прекрасно ознакомлена с произведениями, относящимися к эпохе Серебряного века, и ее ключевыми действующими лицами. В частности, она превозносила таких известных литераторов, как А. Блок и А. Ахматова, а также обожала М. Волошина и А. Белого. Высокой оценки со стороны поэтессы удостоились В. Брюсов и С. Есенин, также ей удалось лично подружиться с П. Антокольским и О. Мандельштамом. Временами проходили ее совместные поэтические выступления с деятелями русской культуры, в частности А. Луначарским. Она оказала большую поддержку К. Бальмонту, помогая ему преодолеть жизненные трудности. Самую искреннюю и интимную дружбу поэтессы заслужили ученики, воспитанные Е. Б. Вахтанговым. Она обожала творчество Маяковского, а потому описывала его в дальнейшем как «чудо» той эпохи и первопроходца, впервые в мировой истории литературы сумевшего создать поэзию «масс» и опередившего современников на многие поколения [15, с. 400].

Стоит отдельно отметить, что в поэзии Цветаевой ярко отражаются основные особенности и характерные черты, присущие эпохе Серебряного века и отечественной культуре того времени, во многом посвященной тому, как отыскать личностный, доступный для конкретного индивида способ воплотить в себе образ Вселенной и окружающего мира, а также зародившееся в нем и развившееся художественное сознание [16, с. 364]. Подготавливая к публикации третий по счету собственный сборник стихов под названием «Из двух книг» (вышел в 1913 г.), поэтесса решила сопроводить его вступительным словом. В нем она описала собственное литературное творчество как своего рода дневник, отражающий основные события ее повседневной жизни, а также представляющий собой «телесную сущность» несчастной души, вынужденной существовать в абсолютном одиночестве [17]. Вот почему Марину Цветаеву нельзя с уверенностью отнести к какой-либо философской или литературно-поэтической группе эпохи Серебряного века. В частности, эту особенность в своем труде подмечает А. Г. Соколов, считающий, что стихи поэтессы, как и ее творческий путь, резко отличают ее от современников, живших и творивших в дореволюционное и послереволюционное время, в эпоху эмиграции [18–20].

Об индивидуальных особенностях Цветаевой как личности пишут и современные авторы [8, с. 89; 21, с. 192]. П. Симуш отмечает, что творчество Цветаевой крайне показательно в отношении разработки социально-философской проблемы неразрывной связи, существующей между индивидом и окружающим его социумом, но не в плане гносеологическом, а образно-поэтическом. В частности, Симуш подмечает, что несмотря на то, что именно благодаря этой связанности существует бесспорное сходство между диадой и сиаемскими близнецами, они пребывают в извечной, непреодолимой коллизии, как бы противостоя друг другу. К этой мысли постепенно, с годами, пройдя через множество страданий, придет и сама Цветаева, представлявшая собой уникальнейшего, самобытного и крайне необычного в личностном плане человека – одновременно высокоинтеллектуального, сильного духом и преисполненного мужества. Своей бесспорной гениальностью Цветаева, по мнению Симуша, напоминает известных древнеримских персонажей и заставляет упомянуть тогдашнюю традицию, согласно которой гений являлся телесным воплощением бессмертной души скончавшегося когда-то предка – основоположника рода. Также он полагает, что естественным призванием гения является совершение поступков, приносящих благо его нации,

родному государству, а также человеческому роду в целом [8, с. 90]. Гениальность, по мнению исследователя, – вот характеристика творчества Марины Цветаевой в наши дни, в конце первой четверти XXI в.

Писательский дар, как мы отмечали, в Цветаевой проснулся в достаточно ранние годы, однако, несмотря на это, в первых же стихотворных книгах, опубликованных в период с 1910 по 1913 г., начали четко прослеживаться ключевые для ее поэзии темы – любовные отношения, Родина и сама литературно-поэтическая деятельность. В этот список помимо «Вечернего альбома» можно также включить «Волшебный фонарь» и сборник «Из двух книг». В них указанные темы она рассматривает с позиций, как общепризнанных и нравственно-этически устоявшихся, так и индивидуально-личностных. В письме, адресованном А. Тесковой и написанном в 1928 г., Цветаева упоминала, что нигде и ни с кем по-настоящему не чувствует себя своей, причем так было всегда. Это правдивое признание распространялось не только на поэтическую, но и на общественно-политическую сферу [22, с. 59]. В течение многих лет она придерживалась принципа «одна – из всех – за всех – противу всех». Это «противу всех» можно охарактеризовать как последовательный максимализм.

В поэзии Цветаевой бесконечное обожание самой человеческой жизни находится в гармонии, соседствуя с максимализмом и жесткими моральными требованиями к людям. Личностные качества не только поэта, но и любого индивида в целом, с ее точки зрения, воплощали в себе Дух. Таким образом, именно духовные переживания являются ключевой отличительной чертой жизненного пути и поэзии Цветаевой. В них она противостояла простому земному существованию и обыденным серым будням, однако, по ее мнению, максимально полной реализации подобная борьба достигала только после окончания жизни и перехода к бессмертному состоянию. Абсолют – один из ключевых терминов в объективном идеализме Гегеля, чаще всего встречающийся в его трудах, укоренился и прекрасно отражен в философско-мировоззренческих установках самой Марины Цветаевой.

Социально-философские взгляды поэтессы и эстетические предпочтения делали ее одновременно равноудаленной от двух главных течений того времени – символизма и акмеизма, с которыми она была во многом несовместима. И в среде литераторов-современников, писавших в начале XX в., и значительно позднее она всегда стояла особняком. Лирические произведения поэтессы преисполнены оптимизма; несмотря на это, хотя ей активно не нравились окружающие социальные реалии, это не приводило ее к уходу в «миры иные», как было принято среди представителей символизма. В то же время она принимала жизненные радости с трудностями и невзгодами во всем их многообразии, однако в этом согласии отсутствовало какое-либо сходство с жизнерадостным программным пафосом акмеистов (Гумилев, Ахматова, Мандельштам). Можно прийти к заключению, что поэтическое творчество, представителей эпохи Серебряного века отличалось намного большей широтой, чем простая демонстрация существовавших тогда групп литераторов, их теоретизирование и различные публичные заявления.

В судьбе Цветаевой определяющей была безграничная любовь к жизни. Только в последние годы в ее стихах появились безнадежные и усталые интонации. К большевистскому перевороту она относилась крайне негативно. Это определялось семейными традициями, кругом общения и, конечно, религиозными пристрастиями поэта. В лирических стихах, написанных после Октябрьской революции, нашли отражение внутренний кризис и личностная трагедия индивида, оказавшегося в резко изменившемся социальном мире. В 1922 г. поэтесса покидает Советскую Россию, чтобы присоединиться за рубежом к своему супругу Сергею Эфрону, служившему в послереволюционные годы в Белой армии и занимавшему в ней офицерскую должность. В дальнейшем супружеской паре пришлось лицом к лицу столкнуться со всеми трудностями, обычно выпадающими на долю недавних эмигрантов. Сначала супруги пребывали среди товарищей по несчастью, настроенных резко против советской власти, но потом оказались отвергнутыми эмигрантским сообществом, без чьей-либо поддержки. Поэтесса позднее описывала причину размолвки как несовместимость в общественных взглядах и мировоззрения в целом, отразив это в «Стихах к сыну», написанных ею в 1932 г. [4, с. 767].

Еще с ранней юности в поэзии Цветаевой начали проявляться неотъемлемо присущие ее стихам контрастные особенности лексических рядов, а также литературные склонности и поэтические предпочтения структурного и семантического характера (оппозиционная связка черта с Богом, ангела с демоном и пр.). С семантической точки зрения творчество поэтессы характеризуется преимущественным предпочтением строить каждое из стихотворений от единственного выбранного слова или фонетически созвучного корня. Произведения поэтессы отличаются максимальным разнообразием, в них нам открываются неизвестные до того возможности родного языка. Ей удается с одинаковой убедительностью передавать как изысканную романтику в собственных стилизациях, так и всю глубину драмы людских жизней. Лирическая поэзия Цветаевой отличается также максимальной экспрессивностью. А. Г. Соколов отмечает, что все, чего сумел достичь жанр поэзии на момент начала XX в., все попытки реорганизовать русскоязычные стихотворные традиции со стороны современников Цветаевой были полностью отражены в ее творчестве [23, с. 348].

Эмигрантский период поэтессы ознаменовался началом другой стадии в ее творчестве. Ее стихотворный дар продолжал развиваться, однако резко изменилось настроение в ее творениях – она стала предпочитать лиро-эпический формат. Все, что было написано Цветаевой начиная с 1930-х гг., отличается индивидуальностью и характерной изысканной простотой. Более выраженной становится интонация неизбежного одиночества. Это отразилось в стихотворениях, написанных в период 1924–1926 гг.: «Поэма Горы», «Поэма Конца» и «Поэма Лестницы». В них прекрасно отражено, как поэтесса воспринимала людей, отринувших «низкий быт» и вместо этого посвятивших себя всему возвышенному, сделавших ставку на развитие духовности. Цветаева предпринимает попытку выявления реальных истоков бытия, а также осмысления сложившихся общественных отношений. С подобной точки зрения, в частности, лестницу в «Поэме Лестницы» следует рассматривать как в прямом смысле (темные ступени в бедном доме), так и в переносном – как нечто, символизирующее собой грезы о некоей «лестнице», ведущей на Небеса и спасающей честь и достоинство.

«Связь, звучанье парное:
Черная – пожарная.

У огня на жалованьи
Жизнь живет пожарами.

В вечной юбке сборчатой –
Не скреби, уборщица!

Пережиток сельскости –
Не мети, метельщица!

Красотой не пичканы,
Чем играют? Спичками.

Мать, к соседке вышедши,
Позабыла спичечный

Коробок...
– как вылизан
Пол, светлее зеркала!
Есть взамен пожизненной
Смерти – жизнь посмертная!

Грязь явственно сожжена!
Дом – красная бузина!
Честь – царственно спасена!
Дом – красная купина!» [24, с. 539]

Для позднего творчества поэтессы характерен особый взгляд на социальное бытие. По ее мнению, естественным правом суждения о людях и обществе применительно к поэтам наделены исключительно их собратья по перу, поскольку лишь им под силу разглядеть, например, тайны международных отношений. В частности, подобные взгляды полностью раскрылись в произведениях, посвященных В. В. Маяковскому, А. С. Пушкину, А. А. Ахматовой, А. А. Блоку и прочим мастерам русской поэзии. Годы перед Великой Отечественной войной, аншлюс гитлеровской Германией Австрии и оккупация Чехии произвели буквально социально-мировоззренческий переворот в поэзии Цветаевой. Эти трагические события поэтессы отразила в «Стихах к Чехии» [24, с. 324], наполнив их горькими и гневными строчками, которые были порождены ее ответственной позицией истинного гражданина России. Летом 1939 г. поэтесса становится «возвращенцем», переезжая назад в Советскую Россию, в столицу, где сначала арестовывают ее родственников, а затем расстреливают супруга, что во многом и стало причиной ее самоубийства в 1941 г. К этому ее привела трудная дорога жизни, преисполненная трагизма. Ей не удалась жизнь ни за границей, в эмиграции, ни позднее в родной стране.

Гумилев и Цветаева – наиболее трагические фигуры в искусстве и социальном бытии времен Серебряного века в отечественной культуре. Вполне возможно возражение – а как же Есенин, а Маяковский? Разве их судьба менее трагична? Но в этом контексте судьбы Гумилева и Цветаевой более показательны именно как тенденция. Есть такое выражение: каждая революция пожирает в первую очередь тех, кто идеально (мировоззренчески) ее готовит. Вероятно, на наш взгляд, это относится и к судьбе Гумилева, не сумевшего перейти порог, отделяющий прошлое (традиции) от нового, приходящего с новым набором ценностей. Характерно это и для судьбы Цветаевой – одинокой личности внутри культуры целого «века» – Серебряного века. Больше всего в своем личном бытии они ценили личную свободу, поэтому, как писал Гумилев, их будущие читатели – это романтики-скитальцы, люди свободной воли, фаталисты с идеей «не бояться и делать что надо» (стихотворение «Мои читатели» в его последнем сборнике «Огненный столп»). По мнению В. Полушина, этот сборник сыграл роль «лебединой песни», подводящей черту под всей жизнью русского поэта. Вошедшие в книгу произведения соответствуют суждению С. Т. Кольриджа: «Лучшие слова – в лучшем порядке». Именно этого принципа в пору зрелости Гумилев придерживался как основного [25, с. 35].

Творческий путь М. И. Цветаевой отличается огромным своеобразием. В ее произведениях создается отдельная вселенная, центральным элементом которой выступает собственная личность, ее особенности и эго автора. Неоценимое влияние на творческий путь поэтессы оказало увлечение библеистикой. В философском и языковом, а также структурном и семантическом плане это подтверждается наличием в ее стихах особых слов – так называемых библеизмов. Здесь подразумеваются отдельные фразы и целые предложения, позаимствованные из Библии, а также топонимы и имена, имеющие отношение к Ветхому и Новому Завету. В поэзии Цветаевой библеизмы представлены в виде поэтических реминисценций: она упоминает или напрямую цитирует Священное Писание, также присутствуют квазицитация, аллюзии и пр. В произведениях поэтессы использование библеизмов отличается огромной разнородностью: она может как упоминать отдельные слова и термины, так и целиком цитировать целые фразы, предложения и абзацы. Со смысловой точки зрения она полностью передает изначальный смысл Священного Писания либо трактует его строго лично и субъективно, как автор.

Знаменитые отечественные творцы, оставившие след в культурной сфере отечественных Золотого и Серебряного веков, отличались любовью к переложению древних текстов религиозной направленности, которые становились частью их философско-поэтических произведений. Литераторы размышляли о том, каковы отношения между Небесным Отцом и его созданием – человеком, а также между Создателем и живой природой. Интерес здесь представляет то, что Бог в этих литературных произведениях не просто выступает творцом Вселенной и видимого окружающего мира, но и является их неотъемлемой частью. В этом

проявился дошедший до нас из эпохи глубокой древности пантеизм, к которому склонялись такие известные деятели, как Николай Кузанский и Джордано Бруно. Употребление библеизмов в поэтических произведениях Цветаевой отличается большим своеобразием и инаковостью, что объясняется двумя факторами: во-первых, резкими изменениями, наступившими в привычной жизни к XX в., а во-вторых, ее личностной спецификой и нестандартными творческими позывами. У Цветаевой между человеком и Небесным Отцом временами проводится равенство, а порой – четко вычерчивается зависимость первого от второго. Она пишет:

«Закинув голову и опустив глаза,
Пред ликом Господа и всех святых – стою.
Сегодня праздник мой, сегодня – Суд.
Сонм юных *ангелов* смущен до слез.
Бесстрастны *праведники*. Только ты
На тронном облаке, глядишь как друг». [4, с. 132]

Интересно, что в современных стихотворных произведениях доля ветхозаветных библеизмов невелика, но в произведениях Цветаевой они играют практически ведущую роль. Это образы Адама, царя Соломона, Давида, Иова, Моисея и др. Они в поэзии Цветаевой выполняют первоосновную функцию, так как характеризуются максимальной выразительностью не только в плане эмоций и производимого впечатления, но и с точки зрения внутренней глубины, емкости и содержательности. Однако кроме ярких и запоминающихся библейских образов встречаются и упоминания о райском саде (Эдеме), запретном плоде (Древе Познания), днях творения и т.д. Это не только поэтические образы, но и показатели их философско-мировоззренческого значения в творчестве Цветаевой.

Ветхозаветные истории для Цветаевой оказались духовно роднее новозаветных священных книг, посвященных исключительно христианству. Объясняется это, скорее всего, ощущением ею равенства Богу, вот почему поэтесса создает свой собственный поэтический мир. Как и Творец, она не просто творит его, созидает, но и организует пространство внутри своего поэтического мира. Это может восприниматься как слишком возвышенная метафора, но вот мнение современного философа-антрополога, который пишет, что он ищет и находит доказательства естественного права Марины Цветаевой на заявление о собственной причастности к Богу и божественности [8, с. 89].

Другой фактор, вынуждающий поэтессу предпочитать ветхозаветные притчи, заключается в том, что в них полностью отразилась реальная история язычества как религии. Почитаемые древними славянами основные божества – Перун, Велес и Мокошь – стали неотъемлемой частью славянского и древнерусского сознания, а позднее – и русского менталитета. Однако после случившейся в дальнейшем христианизации Древнерусского государства населявшие его этносы и народности не превратились в чистых христиан, а начали практиковать двоеверие, прекрасно совмещая языческие воззрения с христианскими [26–28]. В поэтических произведениях Цветаевой встречается множество примеров подобного соединения и гармоничного сочетания древнеславянских и православных религиозных воззрений:

« – Не вечный пыл
В пещи смоляной поэтовой
Крестил – кто меня *крестил*
Водю неподогретою

Речною, – не свыше сил
Дела, не вершимы женами –
Крестил – кто меня *крестил*
Бедою неподслащенною:

Беспримесным *тем вином*.
Когда поперхнусь – напомните!
Каким опалюсь огнем?
Все страсти водою комнатной

Мне кажутся. Трижды прав
Тот поп, что меня *обкарнывал*» [4, с. 516].

Иоанн по прозвищу Креститель – это тот, кто соединил единобожие иудеев с монотеизмом христиан. Креститель – символ синтеза восточных религий с христианской верой, символ нового, светлого и божественного начал. Но есть и символы иного звучания, олицетворяющие темные силы, например бесы, падший ангел, черт и др. Слово «черт», так часто используемое Цветаевой, идет из праславянского языка, где термин «*сѣрт*» означал «проклятый». В мифах древних славян, бытовавших задолго до христианизации Руси, под ним подразумевался злой дух. Несмотря на это, именно христианство во многом кардинально повлияло на последующее оформление и семантическое наполнение указанного слова. По Цветаевой, черт символизирует собой нечто, противостоящее Небесному Отцу, что выражается в следующих строчках:

«Что Москва! Черт с ней, с Москвою!
Черт с Москвою, черт со мною, –
И сам Свет-Христос с собой!

Лейтесь, лейтесь, слезы, лейтесь,
Вейтесь, вейтесь, рельсы, вейтесь,
Ты гуди, чугуны, гуди...

Может, горькою судьбину
Позабуду на чужбине
На другой какой груди» [4, с. 254].

Мифология, в том числе и русско-славянская, стала одним из источников поэзии Марины Цветаевой. Народное творчество в первую очередь выражает себя в создании сказочного, чудесного и необыкновенного, а облаченная в слово сказка может стать основой стихосложения и фольклорного творчества в целом. В. Я. Пропп, основатель структурно-типологического подхода в фольклористике, так определял те трудности, с которыми приходится сталкиваться при осмыслении сказочно-мифологического. Он пишет, что красочность и пестрое разнообразие сказок делают труднодостижимым четкий и точный подход к постановке и решению различных проблем [29, с. 10].

В числе тех библеизмов, что были позаимствованы Цветаевой из Нового Завета, основными являются имена, термины и названия, почерпнутые из четырех книг Евангелия. Перечень слов-бibleизмов включает следующие образы: *Иисус, Павел/Савл, Фома Неверующий, Ангел [агнец] Божий* и др. Основной сюжетной линией лирических произведений Цветаевой является изображение того, как различные персонажи просветляются, познавая божественность нашего Спасителя – Иисуса. Большую часть из них она показывает, преломляя через высказывания и поступки Спасителя, так как он, контрастируя с «жуткими» сюжетами и персонажами-язычниками ветхозаветных притч, несет свет в окружающий мир. Поэтесса во многих своих произведениях упоминает Спасителя практически наравне с Божьей Матерью. Мать и дитя, Богородица и Иисус – вот главные герои ее лирической поэзии, несущие вместе с тем и патриотический посыл как главные ценности традиционной системы православных русских ценностей.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, акцентуация на индивидуальное в философско-мировоззренческом плане в творчестве Цветаевой привела

к тому, что она как поэт оказалась вне литературных групп и направлений культуры Серебряного века. Проблема взаимосвязи и взаимовлияния личности и социума как ведущая в системе социально-философского знания на религиозноведческом уровне нашла свое полное выражение в свободомыслии русской поэтессы.

Во-вторых, лексико-семантическая специфика поэзии Цветаевой в культуротворческом аспекте складывается вокруг проблемы использования библеистики в текстах ее сочинений: это сюжеты и образы Ветхого и Нового Заветов, а также отчасти и древнеславянский мифологический материал.

В-третьих, свободомыслие Цветаевой гармонично сочеталось с очень большим запасом личной христианской религиозности. Идея «нового религиозного сознания», вызванная огосударствлением позиции Русского православия, столь широко пропагандировавшаяся деятелями культуры рубежа XIX–XX веков, глубоко вошла в ее ментальность как российского гражданина и поэта.

Список литературы

1. Стрельникова Н. Д. Марина Цветаева и Эдмон Ростан // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9, Филология. Востоковедение. Журналистика. 2009. № 3. С. 109–115. EDN: [MKUMGT](#)
2. Цветаева М. И. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 4 : Воспоминания о современниках. Дневниковая проза. М. : Эллис Лак, 1994. 686 с.
3. Саакянц А. А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. М. : Эллис Лак, 1999. 816 с.
4. Цветаева М. И. Полное собрание поэзии, прозы, драматургии в одном томе. М. : АЛЬФА-КНИГА, 2017. 1214 с.
5. Цветаева М. И. Письма (1905–1923) / сост. Л. А. Мнухина (при участии Л. Г. Трубицыной). М. : Эллис Лак, 2012. 788 с.
6. Савельев С. Н. Идейное банкротство богоискательства в России в начале XX века : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.03. Л., 1987. 335 с.
7. Савельев С. Н. В мире разочарований, надежд и иллюзий : (Сектантство как религиозный феномен). Л. : О-во «Знание» РСФСР. Ленингр. орг., 1982. 16 с.
8. Симуш П. Жизнь Марины Цветаевой как смерть государственного атеизма // Философская антропология. 2019. Т. 5, № 2. С. 89–101. EDN: [CJRWJJ](#)
9. Блок А. А. Двенадцать. М. : Эксмо, 2015. 252 с.
10. Осипов И. Д. Философия политики и права в России : монография. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2015. 264 с. EDN: [YJRJBT](#)
11. Леонтьев К. Н. О Владимире Соловьеве и эстетике жизни (по двум письмам) // Вл. Соловьев: Pro et contra. Личность и творчество Владимира Соловьева в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Т. 2. СПб. : РХГА, 2002. С. 238–264.
12. Коваленко Н. Г. Философско-религиозное творчество Л. Н. Толстого как исходное начало в культуре Серебряного века // Философская мысль. 2023. № 5. С. 46–56. doi: [10.25136/2409-8728.2023.5.39123](https://doi.org/10.25136/2409-8728.2023.5.39123) EDN: [LYJWYN](#)
13. Коваленко Н. Г. Толстой как социальный и религиозный реформатор // Социодинамика. 2023. № 3. С. 54–62. doi: [10.25136/2409-7144.2023.3.39824](https://doi.org/10.25136/2409-7144.2023.3.39824) EDN: [MZMUIV](#)
14. Религиоведение : энциклопедический словарь / сост. А. П. Забияко. М. : Академический Проспект, 2006. 1256 с. EDN: [QUAQCS](#)
15. Цветаева М. И. Сочинения : в 2 т. Т. 2 : Проза. Письма. М. : Художественная литература, 1980. 542 с.
16. Михайлова М. В. Творческая индивидуальность писателя в ситуации смены художественных парадигм (серебряный век русской литературы) // Русский язык, литература и культура на рубеже веков : тез. докл. и сообщ. Междунар. конф. МАПРЯЛ (г. Братислава, 16–21 августа 1999 г.). М. : МАПРЯЛ, 1999. Вып. 1. С. 364–371.
17. Цветаева М. И. Из двух книг : стихотворения. М. : Оле-Лукойе, 1913. 56 с.
18. Соколов А. Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов. М. : Изд-во МГУ, 1991. 182 с.
19. Соколов А. Г. История русской литературы конца XIX – начала XX века. М. : Высш. шк., 1988. 352 с.

20. Соколов А. Г. Поэтические течения в русской литературе конца XIX – начала XX века: Литературные манифесты и художественная практика : хрестоматия. М. : Высш. шк., 1988. 368 с.
21. Соболевская Е. К. Тоска по родине как смыслообразующая необходимость поэтического мышления // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2021. Т. 22, № 3. С. 192–204. doi: [10.25991/VRHGA.2021.22.3.016](https://doi.org/10.25991/VRHGA.2021.22.3.016) EDN: RKIYAW
22. Цветаева М. И. Письма к Анне Тесковой. Иерусалим : Версты, 1982. 214 с.
23. Соколов А. Г. История русской литературы конца XIX – начала XX века : учеб. для филол. специальностей вузов. М. : Высш. шк. : Academia, 2000. 430 с.
24. Цветаева М. И. Избранные произведения / вступ. ст. Вл. Орлова ; сост., подгот. текста и примеч. А. Эфрон и А. Саакянц. М. ; Л. : Советский писатель, Ленингр. отд-ние, 1965. 809 с.
25. Гумилёв Н. С. Золотое сердце России : сочинения / сост., вступ. ст. и коммент. В. Полушина. Кишинев : Лит. артистикэ, 1990. 733 с.
26. Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М. : Академический проект, 2015. 805 с.
27. Рыбаков Б. А. Мир истории : начальные века русской истории. М. : Молодая гвардия, 1987. 349 с.
28. Рыбаков Б. А. Древняя Русь : Сказания. Былины. Летописи. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 361 с. EDN: RURWFX
29. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. Русский героический эпос. СПб. : Азбука, 2022. 1168 с.

References

1. Strelnikova N.D. Marina Tsvetaeva and Edmond Rostan. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika = Bulletin of St. Petersburg University. Series 9, Philology. Oriental Studies. Journalism.* 2009;(3):109–115. (In Russ.)
2. Tsvetaeva M.I. *Sobranie sochineniy: v 7 t. T. 4: Vospominaniya o sovremennikakh. Dnevnikovaya proza = Collected Works: In 7 Volumes. Vol. 4: Memoirs of Contemporaries. Diary Prose.* Moscow: Ellis Lak, 1994:686. (In Russ.)
3. Saakyants A.A. *Marina Tsvetaeva. Zhizn i tvorchestvo = Marina Tsvetaeva. Life and Creativity.* Moscow: Ellis Lak, 1999:816. (In Russ.)
4. Tsvetaeva M.I. *Polnoe sobranie poezii, prozy, dramaturgii v odnom tome = Complete Collection of Poetry, Prose, Drama in One Volume.* Moscow: «Izdatelstvo AL'FA-KNIGA», 2017:1214. (In Russ.)
5. Tsvetaeva M.I. *Pisma (1905–1923) = Letters (1905–1923).* Moscow: Ellis Lak, 2012:788. (In Russ.)
6. Saveliev S.N. *Ideological Bankruptcy of God-Seeking in Russia at the Beginning of the 20th Century.* DSc dissertation. Leningrad, 1987:335. (In Russ.)
7. Saveliev S.N. *V mire razocharovaniy, nadezhd i illyuziy: (Sektantstvo kak religioz. fenomen) = In the World of Disappointments, Hopes and Illusions: (Sectarianism as a Religious Phenomenon).* Leningrad: o-vo «Znanie» RSFSR. Leningr. org., 1982:16. (In Russ.)
8. Simush P. Life of Marina Tsvetaeva as the Death of State Atheism. *Filosofskaya antropologiya = Philosophical Anthropology.* 2019;5(2):89–101. (In Russ.)
9. Blok A.A. *Dvenadtsat = Twelve.* Moscow: Eksmo, 2015:252. (In Russ.)
10. Osipov I.D. *Filosofiya politiki i prava v Rossii: monografiya = Philosophy of Politics and Law in Russia: Monograph.* Saint Petersburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015:264. (In Russ.)
11. Leontiev K.N. About Vladimir Solovyov and Aesthetics of Life (According to Two Letters). *VI. Solovyov: Pro et contra. Lichnost i tvorchestvo Vladimira Solovyova v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley. Antologiya. T. 2 = VI. Solovyov: Pro et contra. Personality and Creativity of Vladimir Solovyov in Assessment of Russian Thinkers and Researchers. Anthology. Vol. 2.* Saint Petersburg: RKhGA, 2002:238–264. (In Russ.)
12. Kovalenko N.G. Philosophical and Religious Creativity of L. N. Tolstoy as the Initial Beginning in Culture of the Silver Age. *Filosofskaya mysl = Philosophical Thought.* 2023;(5):46–56. (In Russ.). doi: [10.25136/2409-8728.2023.5.39123](https://doi.org/10.25136/2409-8728.2023.5.39123)
13. Kovalenko N.G. Tolstoy as a Social and Religious Reformer. *Sotsiodinamika = Sociodynamics.* 2023;(3):54–62. (In Russ.). doi: [10.25136/2409-7144.2023.3.39824](https://doi.org/10.25136/2409-7144.2023.3.39824)
14. Zabayko A.P. (comp.) *Religiovedenie: entsiklopedicheskiy slovar = Religious Studies: Encyclopedic Dictionary.* Moscow: Akademicheskiy Prospekt, 2006:1256. (In Russ.)
15. Tsvetaeva M.I. *Sochineniya: v 2 t. T. 2: Proza. Pisma = Works: In 2 Volumes. Vol. 2: Prose. Letters.* Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1980:542. (In Russ.)

16. Mikhaylova M.V. Creative Individuality of a Writer in a Situation of Changing Artistic Paradigms (Silver Age of Russian Literature). *Russkiy yazyk, literatura i kultura na rubezhe vekov: tez. dokl. i soobshch. Mezhdunar. konf. MAPRYaL (g. Bratislava 16–21 avgusta 1999 g.) = Russian Language, Literature and Culture at the Turn of the Century: Proceedings of the International Conference MAPRYaL (Bratislava, 16–21 August 1999)*. Moscow: MAPRYaL. 1999;(1):364–371. (In Russ.)

17. Tsvetaeva M.I. ... *Iz dvukh knig: stikhotvoreniya = ... From Two Books: Poems*. Moscow: Ole-Lukoye, 1913:56. (In Russ.)

18. Sokolov A.G. *Sudby russkoy literaturnoy emigratsii 1920-kh godov = Fate of Russian Literary Emigration of the 1920s*. Moscow: Izd-vo MGU, 1991:182. (In Russ.)

19. Sokolov A.G. *Istoriya russkoy literatury kontsa XIX – nachala XX veka = History of Russian Literature of the Late 19th – Early 20th Centuries*. Moscow: Vyssh. shk., 1988:352. (In Russ.)

20. Sokolov A.G. *Poeticheskie techeniya v russkoy literature kontsa XIX – nachala XX veka: Literaturnye manifesty i khudozhestvennaya praktika: khrestomatiya = Poetic Movements in Russian Literature of the Late 19th – Early 20th Centuries: Literary Manifestos and Creative Practice: Anthology*. Moscow: Vyssh. shk., 1988:368. (In Russ.)

21. Sobolevskaya E.K. Homesickness as a Meaning-Forming Necessity of Poetic Thinking. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii = Bulletin of Russian Christian Humanitarian Academy*. 2021;22(3):192–204. (In Russ.). doi: [10.25991/VRHGA.2021.22.3.016](https://doi.org/10.25991/VRHGA.2021.22.3.016)

22. Tsvetaeva M.I. *Pisma k Anne Teskovoy = Letters to Anna Teskova*. Jerusalem: Versty, 1982:214. (In Russ.)

23. Sokolov A.G. *Istoriya russkoy literatury kontsa XIX – nachala XX veka: ucheb. dlya filol. spetsialnostey vuzov = History of Russian Literature of the Late 19th – Early 20th Centuries: Textbook for Linguistic University Students*. Moscow: Vyssh. shk.: Academia, 2000:430. (In Russ.)

24. Tsvetaeva M.I. *Izbrannye proizvedeniya = Selected Works*. Moscow; Leningrad: Sovetskiy pisatel, Leningradskoe otd-nie, 1965:809. (In Russ.)

25. Gumilev N.S. *Zolotoe serdtse Rossii: sochineniya = Golden Heart of Russia: Works*. Kishinev: Lit. artistike, 1990:733. (In Russ.)

26. Rybakov B.A. *Yazychestvo drevney Rusi = Paganism of Ancient Rus*. Moscow: Akademicheskii proekt, 2015:805. (In Russ.)

27. Rybakov B.A. *Mir istorii: nachal'nye veka russkoy istorii = World of History: Initial Centuries of Russian History*. Moscow: Molodaya gvardiya, 1987:349. (In Russ.)

28. Rybakov B.A. *Drevnyaya Rus: Skazaniya. Byliny. Letopisi = Ancient Rus: Legends. Epics. Chronicles*. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1963:361. (In Russ.)

29. Propp V.Ya. *Morfologiya volshebnoy skazki. Istoricheskie korni volshebnoy skazki. Russkiy geroycheskiy epos = Morphology of a Fairy Tale. Historical Roots of Fairy Tales. Russian Heroic Epic*. Saint Petersburg: Izdatelstvo «Azбуka», 2022:1168. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Н. Г. Коваленко – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и культуры речи, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, 196601, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 2.

N.G. Kovalenko – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Culture of Speech, St. Petersburg State Agrarian University, 2 Petersburg Highway, St. Petersburg, Pushkin, 196601.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /

The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 20.01.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.02.2024

Принята к публикации / Accepted 28.02.2024